

В.Н. Лексин

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОПОСРЕДОВАННОЙ ДЕПОПУЛЯЦИИ

Процессы депопуляции страны, почти всех ее регионов и населенных пунктов аналогичны наблюдаемым практически во всех развитых странах и дополнительно активизированы в ходе тридцатилетней трансформации общественных отношений в самой России. Общие и частные основания депопуляции ментального, социального, экономического и политического характера представлены в трудах отечественных географов и демографов, социологов и экономистов, этнографов и политологов. Обобщая и дополняя их результаты, автор предлагает вербальную модель территориально опосредованных процессов депопуляции. Она характеризует логику протекания этих процессов в современной России и доминирование в них экономических факторов. В статье критически оценены способы статистического учета территориально опосредованной депопуляции. Показана неоднозначная роль межрегиональной и внутрирегиональной миграции в «опустынивании» территорий.

Ключевые слова: пространственно опосредованная депопуляция; межрегиональная миграция; внутрирегиональная миграция; «опустынивание» территорий

Для цитирования: *Лексин В.Н. Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205.*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Озабоченность сокращением численности населения страны (депопуляцией) все чаще слышна в выступлениях российских политических деятелей и в СМИ, зафиксирована в государственных и регио-

нальных документах стратегического назначения, в национальных проектах и программах, периодически становится предметом научных дискуссий и т.д. Озабоченность эта обоснованна, и ее усиливают последние новости: естественная убыль населения (превышение числа умерших над числом родившихся) в России в 2020 г. выросла более чем в 2 раза – до 688,7 тыс. чел. по сравнению с 316,2 тыс. чел. в 2019 г., число родившихся в 2020 г. детей стало минимальным с 2002 г., и впервые за 15 лет общее число жителей России сократилось почти на 0,5 млн чел.¹ Неутешительны и перспективы: результаты прогнозов, выполненных по разным методикам и с использованием различной информации, сходятся в том, что при сохранении современных демографических тенденций Россия к середине столетия (т.е. через 30 лет) может потерять до 15 млн чел. [16; 33]. Любые свидетельства и последствия депопуляции в России продолжают вызывать как единодушно негативное, и часто эмоциональное, отношение к этим фактам, так и попытки их интерпретации с принципиально разных позиций. При этом нет разногласий по поводу того, что состояние и перспективы развития рассматриваемой ситуации во многом зависят от исключительно значимых и существенно различных причин и следствий *территориально опосредованной депопуляции*, т.е. депопуляции в пространстве конкретных территорий: регионов, муниципальных образований, отдельных городов и сел.

В конце XX и начале XXI в. стало очевидным, что депопуляция в так называемых «развитых странах» есть результат накапливающихся изменений в отношении общества к деторождению и к все менее традиционным семейным ценностям вкупе с физиологическим ослаблением репродуктивного потенциала коренного населения [10–12; 14]. Не случайно в этих странах доминируют и оправдываются надежды на компенсаторные популяционные функции межстрановой миграции. Бесспорным лидером по масштабам привлечения мигрантов и по их позитивному воздействию на демографическую ситуацию были и остаются США. В России депопуляция

¹ См.: *Естественная убыль населения в 2020 году составила 688 тысяч человек.* – URL: ria.ru/20210208/ubyl-1596552809.html ; *Число родившихся детей в РФ в 2020 году стало минимальным с 2002 года.* – URL: interfax.ru/russia/749946 .

в связи с естественной убылью населения пространственно неоднородна, и общественное мнение все более тревожит «опустынивание» конкретных территорий из-за перемещения их жителей в привлекательные для них места. В стране уповают на результативность политики экономического стимулирования деторождения и поддержания семейных ценностей, на программы здравоохранения, ориентированные на увеличение продолжительности жизни, и на «возвращение соотечественников» из постсоветских стран ближнего зарубежья.

Следует отметить, что трудовые мигранты из стран бывшего СССР сегодня становятся привычным компонентом нашей социально-экономической действительности, тяготея, так же как и отечественные межрегиональные и внутрирегиональные мигранты, преимущественно к крупным городам и агломерациям. Они становятся все более значимым трудовым ресурсом, и сокращение их численности рассматривается как проблема общегосударственного масштаба. Так, на декабрьском (2020 г.) заседании Государственного совета и Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам первый вице-премьер А.Р. Белоусов заявил, что строительная отрасль сейчас испытывает большой дефицит кадров, поскольку трудовые мигранты «отсечены из-за пандемии». Об этом же говорил глава Татарстана Р.Н. Минниханов, поднявший вопрос о «дефиците рабочей силы, который возник на стройках с введением противоэпидемиологических ограничений». В результате в Перечень поручений Президента РФ по итогам этого заседания 18 января 2021 г. был включен пункт 8д об «установлении упрощенного порядка привлечения работников, не являющихся гражданами Российской Федерации, в том числе из отдельных стран, входящих в СНГ, для выполнения строительно-монтажных работ, с соблюдением санитарно-эпидемиологических требований в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19»².

Предметом этой статьи является исключительно территориально опосредованная депопуляция, которая была и остается в центре науч-

² *Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам.* – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64900>.

ных интересов российских географов и демографов, социологов и экономистов, этнографов и статистиков. Это А.Г. Вишневский, О.Б. Глезер, З.И. Калугина, Н.В. Мкртчян, Т.Г. Нефедова, Л.Л. Рыбаковский, В.В. Фаузер и многие другие исследователи, труды которых будут названы далее. В настоящей статье представлена попытка не соревнования с их выводами, а следования по намеченному ими пути с акцентированием тех немногих аспектов проблемы территориальной депопуляции, которые сегодня видятся автору наиболее дискуссионными. Это вопросы о том, что является «самым важным и самым главным» в проблеме территориально опосредованной российской депопуляции и в чем сходство феноменов «вымирающей деревни» и угасания городских поселений в разные периоды нашей истории. При этом здесь не будут рассматриваться общие причины и следствия депопуляции населения страны и ее регионов в связи с естественной убылью, поскольку это вопрос, требующий отдельного анализа.

СТАТИСТИКА И «САМОЕ ВАЖНОЕ, САМОЕ ГЛАВНОЕ» В ОБЛИКЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОПОСРЕДОВАННОЙ ДЕПОПУЛЯЦИИ

До недавнего времени статистика свидетельствовала о, казалось бы, относительно приемлемой ситуации. За 2015–2019 гг. в целом по Российской Федерации численность населения даже увеличилась на 1,4% и в течение 2019 г. оставалась стабильной. Да, смертность превышала рождаемость, но это в какой-то степени компенсировалось миграционным приростом. Однако, как отмечалось в начале статьи, 2020 г. внес серьезные коррективы, и их нельзя объяснить только эпидемиологическими факторами. На этом фоне особо значимыми становятся многолетние устойчивые явления территориально опосредованной депопуляции – постоянного уменьшения числа жителей на обширных территориях многих регионов и в тысячах населенных пунктов, традиционно принимаемого за показатель социально-экономического неблагополучия. Статистка отмечает эти явления в большинстве субъектов Российской Федерации, особенно в Республике Коми, Еврейской автономной области, Магаданской, Тамбовской,

Курганской, Орловской, Тверской, Архангельской, Пензенской, Ивановской, Новгородской и Псковской областях. По данным Росстата, за последние три года в 24 других субъектах РФ численность населения ежегодно снижалась более чем на 2%. В 2019 г. в 46 субъектах РФ миграционный отток превышал число прибывших из других регионов, а в девяти субъектах РФ (Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Северная Осетия – Алания, Забайкальский и Камчатский края, Еврейская автономная область, Архангельская, Магаданская и Омская области) он составлял более пяти человек на 1000 чел. населения.

Статистику часто порицают, и кто только не употреблял хлесткое выражение: «Есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика», – которое остроловец Марк Твен в «Главах моей автобиографии» без каких-либо оснований приписал самому Дизраэли. Это такая же неправда, как и сказанное в «Двенадцати стульях» другими насмешниками: «Статистика знает все». Правда же в том, что только статистика обеспечивает, не прибегая к социологическим опросам (это два принципиально разных поля информации), объективное знание о происходящем в мире экономики, социальной жизни, экологии и демографии. Правда и в том, что статистика, на претендуя на «знание всего», постоянно обновляет методы и расширяет предмет своей деятельности (вспомним, например, об относительно молодом направлении статистических исследований – изучении инновационной деятельности).

Анализируя возможности отечественной статистики в создании массива достоверных сведений о процессах депопуляции на территориях нашего самого большого в мире государства, вряд ли следует напоминать, что они характеризуются преимущественно параметрами численности населения, основным источником информации о которых до сих пор остаются редко проводимые всероссийские переписи населения. Для оценки же численности населения в межпереписной период Росстат должен вести отдельные расчеты с использованием данных о родившихся, умерших, прибывших и выбывших, а также об изменении численности населения в результате постоянно идущих административно-территориальных преобразований. При этом

сведения о рождениях и смертях должны *ежедневно* поступать из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния, а сведения по каждому мигранту собираются из анкетных форм федерального статистического наблюдения. Но если учет естественного движения населения отлажен достаточно хорошо, то все связанное с перемещением людей остается весьма проблематичным. Так, Росстат ежемесячно обрабатывает около 300 тыс. записей о прибывших на основе ведущегося работниками первичного миграционного и регистрационного учета на бумажных бланках, сведения из которых лишь затем вводятся в территориальных статорганах в электронную форму. Здесь неизбежны определенные погрешности, но по ряду причин переход на электронную передачу данных возможен только с января 2024 г.

Отмечу, что учет миграционных потоков в России исключительно важен уже потому, что по данным доклада Экономического и социального совета ООН о миграции в мире³, в 2019 г. на российской территории пребывало 12 млн мигрантов. Это четвертое место в мире; на первом месте находятся США (18% от общего числа мигрантов на планете), на втором и третьем – Германия и Саудовская Аравия, а вслед за Россией идет Великобритания. Напомню, что именно недоучет миграционных потоков стал причиной несоответствия результатов переписей населения 2002 и 2010 гг. и текущей оценки численности постоянного населения России (разница составляла соответственно 1,8 и 1,0 млн чел.)⁴. Поэтому начиная с 2011 г. статистический учет долгосрочной миграции был дополнен перечнем тех, кто зарегистрирован по месту пребывания на срок девять месяцев и более, а также лиц, снятых с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока регистрации. Однако на оценку пространственных параметров депопуляции, а именно на то, как изменяется численность населения в конкретных населенных пунктах, гораздо

³ См.: Доклад о миграции в мире 2020. Экономический и социальный совет ООН. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf.

⁴ Следующую всероссийскую перепись намечено провести в 2021 г. с быстрой публикацией ее результатов, причем неоднократно заявлялось, что следующая за ней уже будет принципиально иной, «цифровой», переписью.

большее влияние оказывают результаты внутрирегиональной и межрегиональной, долговременной и маятниковой трудовой миграции граждан России. К сожалению, сведения о внутрироссийской миграции существенно расходятся. По переписи 2010 г., в регионах, отличных от мест проживания, работало около 2,3 млн чел. (без выделения маятниковой миграции). Изучение ситуации по данным о маятниковой миграции на уровне населенных пунктов показало, что в этих процессах занято около 11% трудоспособного населения России, т.е. более 7 млн чел. [4], а в ряде публикаций предполагалось, что таких мигрантов намного больше [24; 25].

Локально опосредованная депопуляция все чаще становится предметом специальных исследований, и в качестве примера приведу лишь несколько из более чем сотни публикаций на эту тему в ведущих журналах России в последние 10 лет. Это прежде всего отличающиеся обстоятельностью и системным характером работы наших географов о мобильности населения России по данным Всероссийской переписи 2010 г. [4], о международных и внутренних аспектах российской трудовой миграции [26], о маятниковых миграциях в пространстве крупнейших агломераций [3; 23–25; 49], о связях миграции и рынка труда [42], об особенностях депопуляционных процессов в сельской местности [28–30] и др. Примером детальной проработки комплекса этих вопросов могут служить публикации последних лет по Сибири и Дальнему Востоку, в которых показаны особенности этих регионов в стратегии пространственного развития страны [36], специфика «вторых» и «третьих» городов в условиях демографического сжатия [44], рассмотрены миграционные потоки населения в регионах Сибири [34; 45; 46], проведено интереснейшее сопоставление демографических прогнозов и статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока [43], причем все эти исследования подтверждают отмеченные выше типичные явления депопуляции на территории этих регионов.

Хотел бы обратить внимание на доклад, представленный на Гайдаровском форуме – 2020 известными учеными, давно и плодотворно изучающими явления «внутренней миграции» [27]. В этой компактной публикации на основе данных текущей статистики Росстата и его

обследований, данных переписи 2010 г., а также материалов полевых исследований авторов обобщены особенности внутренней межрегиональной миграции, связанной с переездом на новое место жительства и временной работой, с учетом специфики потоков такой миграции в ряде регионов, влияния миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в разных частях страны, особенностей миграции из малых и средних городов, а также из регионов Северного Кавказа. Немалый интерес представляют оценки авторов доклада о возможностях использования миграционного ресурса для преодоления неблагоприятных демографических тенденций в регионах. Авторы отмечают, что согласно переписи 2010 г., в «регионах, отличных от мест проживания» работало около 2,3 млн чел. и что «уровень межрегиональной миграции имеет в сегодняшней России достаточно стабильный характер»⁵.

Общая картина внутрирегиональных перемещений населения [6; 10–13] действительно весьма устойчива, и имеющаяся статистика, обработанные массивы соответствующих научных публикаций и публикаций в местных СМИ, а также результаты собственных исследований и наблюдений автора настоящей статьи позволяют выделить в этой картине «самое важное, самое главное» следующим образом.

1. Население России в течение более 30 лет по причинам преимущественно экономического характера и вследствие осознания бесперспективности достойного трудоустройства не месте проживания мигрирует в крупные города, их агломерации и центры экономической активности крупных корпораций. Это, несколько снижая общероссийский уровень бедности и безработицы, приводит к депопуляции в сельских поселениях, в малых и средних городах и становится еще одним фактором демографического кризиса и усиления территориальной дифференциации.

⁵ В докладе обращено внимание на сопоставимость параметров миграции в России с соответствующими показателями Германии и Японии (в США, Великобритании и Австралии эти параметры существенно выше) и на то, что масштабы этой миграции в России больше, чем во многих странах Южной и Восточной Европы, в связи с тем, что там население вовлечено в международную миграцию, прежде всего в рамках ЕС.

2. Фактически вся (более 95%) межрегиональная и внутрирегиональная миграция населения является трудовой. Она либо ориентирована на переезд и постоянное проживание в месте новой работы (обычно в крупном городе), либо, что чаще, является маятниковой («отходничество» или вахтовая деятельность) с той или иной периодичностью возвращения на место постоянного проживания. Это принципиально разные процессы, различающиеся по мотивациям и воздействию на социально-экономическую ситуацию в регионах и муниципальных образованиях. Важнейшим стимулом развития маятниковой миграции в постсоветской России стали высокие темпы автомобилизации населения и наличие межпоселенного железнодорожного и автобусного сообщения с крупными городами. При отсутствии местных трудовых ресурсов на удаленных от крупных городов территориях активной хозяйственной деятельности формируются так называемые вахтовые поселки корпоративного характера.

3. По своим масштабам трудовая маятниковая миграция сопоставима с переездами на постоянное место работы и жительства, а в трети регионов и существенно их превосходит. Доходы маятниковых мигрантов отчасти увеличивают потребительский спрос в местах их постоянного проживания (сельские населенные пункты, малые и средние города), тем самым стимулируя развитие ориентированной на местный спрос сервисной инфраструктуры и консервируя ситуацию предпочтительности заработка «на стороне».

4. При всех проблемах, касающихся приобретения мигрантами жилья в местах переезда, решение этих проблем из-за относительно лучшего соотношения доходов и стоимости жилья в крупных городах и агломерациях часто происходит раньше и надежнее, чем в местах прежнего жительства, где к тому же отсутствуют перспективы трудоустройства. Об этом свидетельствует и корреляция между масштабами миграционного притока и объемами жилищного строительства в крупных городах и агломерациях.

5. Почти все, кто хотел бы и смог участвовать в межрегиональной и внутрирегиональной миграции, уже это сделали, что заставляет считать весьма проблематичной реализацию надежд на любые варианты

«нового освоения» ныне пустующих или приходящих в запустение территорий с использованием механизмов «дальневосточный гектар», «сельский врач» и т.п., если только за этим не стоят интересы крупного бизнеса и, реже, энтузиазм одиночек и их семей.

Эта вербальная модель процесса формирования российской территориально опосредованной депопуляции отражает его логику и в типичных, и в, казалось бы, самых парадоксальных ее проявлениях. Так, опровергая расхожие представления о преимущественной депопуляции сибирских и дальневосточных регионов, приведу новейшие данные о ситуации в Республике Саха (Якутия), где, по оценке Росстата, на 1 января 2020 г. численность населения составила 972 тыс. чел., из которых доля городского – 66%, сельского – 34%. По сравнению с 2015 г. население республики увеличилось на 1,6% при росте его численности за тот же период в крупных городах на 2,9% и сокращении на сельских территориях на 0,9% (общая для России ситуация). Увеличение численности населения Якутии происходит благодаря сохраняющемуся естественному приросту, а также уменьшению миграционного оттока⁶. При том что во всей России снижается рождаемость, в республике число новорожденных продолжает возрастать: в 2010 г. родилось 3748 детей, а в 2018 г. – 4638 (рост – 27%). Сохраняются и всячески стимулируются традиции многодетности (трое и более детей), и доля многодетных семей одна из самых высоких на Дальнем Востоке⁷. Не забудем и то, что около 40 тыс. живущих в Якутии представителей коренных малочисленных народов Севера представляют наиболее устойчивую часть ее населения и по параметрам прироста численности, и по неучастию в межрегиональной миграции.

⁶ В конце 1990-х годов республику ежегодно покидали около 30 тыс. чел., а в последние три года – 3–4 тыс. чел.

⁷ Кроме установленных на федеральном уровне выплат материнского капитала в Якутии выделяется дополнительный материнский капитал в связи с рождением второго ребенка, а в 2018 г. принят закон «О статусе многодетной семьи в Республике Саха (Якутия)», поднявший возрастной предел статуса (и получения различных льгот) многодетной семьи с 18 лет старшего ребенка до 23 лет – возраста завершения обучения в вузе, начального периода работы и т.д.

Проще всего было бы объяснить устойчивость численности населения Якутии значительными масштабами поддержки социальных программ за счет федерального бюджета, однако эта поддержка связана лишь с практикой межбюджетных отношений и с узаконенными компенсациями экстремальных условий труда и быта. Более разумно будет указать на относительно благополучную экономическую ситуацию: в 2019 г. рост добычи угля и нефти в сравнении с предыдущим годом составил 15%, газоконденсата – 11%, золота – 21%, серебра – около 10%, а ВРП за год вырос на 3,5% (один из самых высоких показателей в стране). И это результат не только работы природо-ресурсных отраслей или введения в эксплуатацию магистрального газопровода «Сила Сибири». Почти на 7,5% выросли объемы выполненных собственными силами работ и услуг несырьевого сектора и даже производства якутской сельхозпродукции (в основном мяса и яиц).

Демографическая ситуация и миграционные настроения в Якутии еще раз подтверждают первостепенное значение для стабилизации позитивных тенденций в этой сфере простого условия: есть хорошая работа – нет смысла уезжать. Таково, в частности, положение и в Ямало-Ненецком автономном округе, регионе – многолетнем доноре федерального бюджета, традиционно именуемом лидером по объему ВРП на душу населения⁸. Природно-климатические условия на территории ЯНАО – крайне неблагоприятные для некоренного населения, но высокая (по меркам России) заработная плата в сочетании с социальными преференциями, предоставляемыми богатейшими российскими корпорациями, обеспечивают рост численности постоянного населения на территории округа: за 2015–2019 гг. она увеличилась почти на 2% за счет естественного прироста и сокращения почти в 10 раз миграционной убыли. При этом не столь важна структура занятости. Например, в городском поселении Харп в Приураль-

⁸ Последнее не совсем корректно, так как ВРП Ямало-Ненецкого АО создается не только собственным трудоспособным населением, но и огромной армией вахтовиков из многих регионов страны. В то же время отмечу, что этот показатель связан не только с добычей углеводородного сырья, за последние 5 лет увеличились объемы производства даже сельскохозяйственной продукции (с 2,1 до 2,7 млрд руб.).

ском районе того же ЯНАО уровень безработицы – один из минимальных в России, и пятидесятичное население за три года сократилось всего на 200 чел. Значительная часть работающего населения трудится на обслуживании уникальных «градообразующих» учреждений ФСИН (одно из них – «Северная сова» для пожизненно заключенных), а на железнодорожной станции⁹ постоянно идет погрузка прибывающего автотранспортом с близрасположенного рудника хромитового сырья. В поселке есть все необходимые объекты социальной инфраструктуры, а сам он выглядит вполне благоустроенным.

Следует заметить, что на параметры территориально опосредованной депопуляции существенно влияет и национально-этнический фактор. В нашей стране быстрее всего сокращается численность считающих себя русскими (за межпереписной период 1989–2010 гг. – на 7%), причем у них и наименьшая рождаемость. Этот процесс, ранее названный мной «национальным суицидом»¹⁰, проявляется и в том, что наиболее сокращается численность жителей в преимущественно русских сельских и городских поселениях. В одном из фундаментальных трудов Т.Г. Нефедова [29], сопоставляя сельскую жизнь в разных регионах и районах России, обратила внимание на то, что эта жизнь относительно благополучнее в сельских поселениях с нерусским населением. К сожалению, в многонациональных поселениях русские мало склонны перенимать ведущие к долгожительству навыки образа жизни своих нерусских соседей, и это давняя традиция. И.С. Аксаков с точностью этнографа описывает свои впечатления о проезде в январе 1844 г. через Сарепту, где «решили остановиться в гостинице, содержимой на счет братства (переселившихся в Россию «моравских братьев», или «гернгутеров». – *В.Л.*)... Какая чистота и предупредительность!.. Улицы чисты необыкновенно, перед каждым домиком ряд пирамидальных тополей; архитектура совершенно особенная. Видел я почтенных Сарептских мужей, с длинными не-

⁹ Здесь ежедневно останавливаются и пассажирские поезда Москва – Лабытнанги и Лабытнанги – Воркута. Харп расположен недалеко (54 и 40 км соответственно) от аэропорта Салехарда и от речного порта Лабытнанги.

¹⁰ См.: Лексин В.Н. Судьбы цивилизаций и русский вопрос: опыт системной диалектики – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 311–324.

мецкими трубками. Русские очень любят этих добрых Гернгутеров, уважают их, удивляются их искусству и терпению, но, однако *ничего не воспринимают* (выделено мной. – В.Л.). Необыкновенно странное впечатление производит на вас эта немецкая добродушная республика в глуши России!» [1, с. 14]. Замечу, однако, что рождаемость у русских в современных многонациональных селах все же несколько выше, чем в преимущественно русских.

«ВЫМИРАЮЩАЯ ДЕРЕВНЯ» И «ОПУСТЫНИВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Этот фрагмент статьи может оказаться наиболее дискуссионным, поскольку процессы «вымирания» и «опустынивания» территорий (равно как и их предыдущего интенсивного заселения) представлены здесь как объективно обусловленные и безальтернативные следствия последовательных реконструкций общественно-политического и социально-экономического бытия нашего Отечества. Об этом 20 лет назад мы писали с А.Н. Швецовым в первом томе «Муниципальной России», а в последние годы я неоднократно дополнительно аргументировал эти представления в монографиях о причинах изменения рождаемости, о цивилизационных аспектах современной депопуляции и в ряде других публикаций.

Обсуждая ситуацию с «вымиранием деревни», следует помнить о том, что сами понятия «сельское население» и «сельские поселения» в настоящее время трактуются не так, как около полувека назад. Тогда в понятийном словаре социально-экономической географии исходя из постулата К. Маркса об отделении города от деревни вследствие отделения промышленного и торгового труда от труда земледельческого утверждалось, что «в сельском поселении главная сфера приложения труда – сельскохозяйственное производство» [2]. Но ведь уже в то время сельхозпроизводство все более становилось агропромышленным, а сейчас число занятых исключительно сельским хозяйством (даже с учетом его странного состава в Росстате) отнюдь не доминирует. Не поэтому ли федеральное законодательство тавтологически определяет сельское поселение как «один или несколько

объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов)»¹¹. Не более внятна и трактовка этого термина в государственной программе о развитии сельских территорий¹².

Исторически в России место проживания и место работы для обеспечения элементарных жизненных потребностей населения (длительный период преимущественно аграрной, затем своеобразно индустриализированной страны) долгое время совпадали. Отечественные сельские поселения формировались и в течение столетий сохранялись как точки концентрации занятых исключительно сельскохозяйственным трудом в крупных помещичьих хозяйствах и на земле связанных с ними крестьянских общин, а также на территориях земельных угодий «вольных хлебопашцев», однодворцев, казаков и нерусских народов, в Сибири и на Дальнем Востоке. Но в любом случае всех этих людей кормил сельскохозяйственный труд по месту их проживания, и он почти никогда не был достаточен для образования массового зажиточного слоя (бедность русской деревни – не выдумка беллетристов того времени). Первые же перемены в социальном статусе сельских жителей (предреформенный и особенно пореформенный периоды второй половины XIX в.) привели к временному (отходничество) или постоянному уходу части трудоспособного населения из сел и деревень, что в какой-то мере компенсировал лишь все еще высокий уровень рождаемости в этих поселениях [18].

В советский период идеологически мотивированное неприятие небольших единоличных хозяйств и ориентация на коллективные (колхозно-кооперативные) и государственные (совхозные) с созданием при них разветвленной сети машинно-тракторных станций и с раз-

¹¹ См.: *Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.

¹² См.: *Постановление Правительства РФ* от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 17 октября 2019 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326085/.

витиём сбытовой и потребительской кооперации законсервировали русскую деревню как поселение, жители которого были заняты в *одном крупном* хозяйстве (не считая, естественно, занятость в личном подсобном хозяйстве). Следует отметить, что одной из задач начатого в 1970-е и продолжавшегося в последующие годы укрупнения сети сельских поселений стало удержание в них сельских жителей (особенно молодежи), которые, обретя свободу передвижения, начали стремительно уезжать в поселения городского типа, где условия труда и жизни были значительно лучше деревенских. Однако анализ тенденций движения населения в Нечерноземной зоне России показал, что «большая часть жителей мелких сельских поселений мигрировала *за пределы* своих областей, минуя центральные усадьбы, т.е. наиболее крупные и благоустроенные села. Причем в десяти областях этой зоны уменьшилась численность населения даже в центрах хозяйств, а в шести областях величина прироста населения в центральных усадьбах колхозов и совхозов оказалась в 10 раз меньше, чем величина оттока сельского населения из области в целом. Так, из Владимирской области мигрировало в 29 раз больше сельских жителей, чем прибыло в центральные усадьбы, из Тульской области – в 23 раза, из Калининской – в 22, из Костромской – в 14, из Псковской – в 12, из Новгородской – в 10 раз и т.д.» [38, с. 104]. Замечу, что эта кампания, начатая очень активно, привела как к созданию крупных сел, так и к запустению десятков тысяч «неперспективных деревень», но завершена не была. И вряд ли нужно напоминать, что в тот период сельское хозяйство страны функционировало на всей ее территории в условиях централизованно-планового управления, а жесткие задания на производство сельхозпродукции часто не учитывали ни экономически оправданную его специализацию, ни природно-климатические условия. Достоверные свидетельства этого донесли до наших дней замечательные писатели Ф.А. Абрамов, В.И. Белов, Е.Я. Дорош, Б.А. Можаяев и В.В. Овечкин. Стоит отметить, что на сокращение числа и людности сельских поселений и даже на уменьшение площади обрабатываемых сельскохозяйственных земель Центральной России в 1950-х годах повлияло организованное государством «освоение целинных и залежных земель» – более урожайных и расположен-

ных, как правило, южнее. Анализ этих процессов и их движущих причин в XIX–XX вв. убедительно представлен в трудах наших географов [25; 31].

С переходом экономики России к конкурентно-рыночным отношениям и с открытием свободного доступа в страну относительно дешевой сельхозпродукции со всего мира в отечественном сельском хозяйстве первоначально изменилось все, кроме сети сельских поселений, но уже в итогах переписи 2002 г. впервые было названо число официально значившихся сельских населенных пунктов без единого постоянного жителя – 13 тыс. единиц, причем в ряде областей Центральной России (Костромская, Ярославская и др.) таких поселений было почти 20%. За 20 лет (к июню 2010 г.) с карты страны исчезло 23 тыс. населенных пунктов, из которых 20 тыс. – именно сельские поселения. К тому же в почти 20 тыс. (!) сельских поселений, все еще официально остающихся таковыми, постоянного населения уже не было, и их количество в период между переписями возросло почти на 50%. Убыль сельского населения стала намного больше убыли городского, поскольку в деревнях и селах кроме феноменально трудоемкого и практически нерыночного приусадебного хозяйства не осталось работы – она начала сосредоточиваться в немногих крупных агрохолдингах.

Причиной таких изменений на значительной части территории нашей страны чаще всего называют неконкурентность мелкотоварного производства сельхозпродукции в условиях его унаследованной материально-технической отсталости и прекращения существования колхозов и совхозов, при том что само сельское население Нечерноземной России нерасчетливо распорядилось земельными паями, не сумело объединиться в кооперативы или выстоять в фермерском статусе. Но есть и другая, не менее важная причина: уже в первом десятилетии XXI в. производительность сельскохозяйственного труда даже в крупных и средних хозяйствах России (как и ранее в СССР), за редким исключением, в несколько раз уступала производительности на землях их зарубежных конкурентов. Но если при сохранении сегодняшней производительности труда сельское хозяйство требует не более 10 млн чел. (рекорд трудозанятости 1970 г.), то элементарная

техническая модернизация может сократить эту величину вдвое. У сельского хозяйства России, если оно будет существовать как товарно-рыночное и конкурентоспособное, нет иного выбора, чем производить не только дешевле, но и меньшим числом работников. А это означает, что для половины ныне существующего сельского населения в перспективе нет иного выбора, чем уход из сельского хозяйства, а во многих случаях – и из сельских населенных пунктов, которые вблизи городов ощутимо становятся местами сезонного проживания горожан и местных «отходников».

Все вышесказанное – вывод не только из исследований автора этой статьи. О том же свидетельствуют замечательные труды по проблемам трансформации сельской жизни в последнее тридцатилетие. Таковы, например, как всегда великолепно аргументированное исследование А.Г. Вишневого и его коллег о демографии современного села [13], блестящее соединение статистики и социологии в монографиях и статьях новосибирских ученых [5; 19; 39], работы саратовского доктора философских наук В.Г. Виноградского и его соавторов [8; 9], книги и статьи авторитетных исследователей современной сельской жизни [20; 28–31], публикации о результатах таких исследований, проведенных в различных регионах страны [17; 34–36; 43; 45; 46]. В этих работах (а перечислена лишь малая часть известных автору отечественных публикаций на темы русского села) уже расставлены точки над «i» в генезисе проблематики современной сельской действительности, и неразумно не учитывать это в рассуждениях о «вымирании» русской деревни.

Обращу внимание на то, что «вымирающая деревня» – словосочетание, не сегодня предложенное, ему более ста лет. В начале прошлого века оно стало названием дважды изданной книги А.И. Шингарева [48]¹³. Эта книга, которая есть иллюстрация к сомнительному благополучию «России, которую мы потеряли», – сплав дотошной

¹³ А.И. Шингарев – выпускник Московского университета, земский врач и крупный общественный деятель, депутат второй, третьей и четвертой Государственной думы и Учредительного собрания, соавтор аграрной программы кадетов, министр первого и второго состава Временного правительства. Зверски убит в начале 1918 г.

земской статистики и личных наблюдений А.И. Шингарева за «санитарно-экономическим» состоянием двух деревень, расположенных недалеко от Воронежа, – Новоживотинного (в начале прошлого века – Ново-Животинное) и Моховатки. Автор книги достойно решил поставленную Воронежским (уездным) санитарным советом задачу¹⁴ – определить «причины высокой смертности и малого прироста населения прихода села Н.-Животинного» и назвал эти причины: «низкий культурный уровень населения и его ужасающая материальная необеспеченность и безземелье стоят в непосредственной зависимости от социальных ошибок прошлого времени и от общих современных условий русской жизни» [48, с. 7–8]. Первопричиной «вымирания деревни» было вопиющее безземелье, поскольку крестьяне после «великой реформы» получили даровой, так называемый «нищенский», надел, со всех сторон окруженный помещичьими землями. А.И. Шингарев приводит данные о том, что «на 395 ревизских душ в обоих селениях в общее пользование выделялось 320 десятин (около 350 га. – *В.Л.*) худшей земли. Бедняцкие хозяйства – свыше половины дворов – не могли вносить ежегодные подати даже по 3–4 рубля, и брать у них фактически было нечего. Четверть населения круглый год вынуждена была покупать хлеб. Малоземелье принуждало к аренде земли... Примерно одна треть хозяйств не имела средств для аренды и либо должны были вовсе покинуть свои дома и искать обеспечивающего существование стороннего заработка, либо помереть с голоду» [48, с. 141–142].

Почти половина взрослых уходила на промыслы. А.И. Шингарев пишет: «Работали каменоломами, плотниками, каменщиками, печниками, сапожниками и др. Особенно тяжелым был труд в каменоломнях – самый распространенный местный промысел. При этом вознаграждение не превышало 10–30 копеек в день. Был и такой “божий промысел”, как “питомничество”. Крестьянские семьи брали из приюта губернского земства на воспитание грудных детей в возрасте от двух недель до четырех месяцев. За воспитание ребенка-подкидыша

¹⁴ Эта работа и была представлена вначале как доклад Воронежскому уездному санитарному совету и Воронежскому отделу Русского общества охранения народного здоровья.

земство платило крестьянке 20 рублей в год. Очень часто этот “промысел” превращался в своеобразный конвейер смерти. Иные семьи одного похоронят, едут в приют за другим... Таким “промыслом” в селе Ново-Животинном в 1884 г. занималось 12 процентов семей, в 1901-м – 33 процента. Тем не менее все промыслы вместе взятые не давали сельчанам обеспеченного существования» [48, с. 181].

И на этом фоне¹⁵ А.И. Шингарев снова подчеркивает резкий контраст между «блестящим финансовым состоянием Русской империи и прогрессирующим разорением крестьянских масс бесправных и обездоленных» [48, с. 197]. Но беды Новоживотинного сопровождали его еще 40 лет – чудовищный пожар в предреволюционные годы и фактическое уничтожение всех построек в ходе боев во время Великой Отечественной войны. И тем более удивительным может показаться тот факт, что в наши дни это сельское поселение не только насчитывает свыше 3,2 тыс. постоянных жителей (по переписи 2010 г. было 2,6 тыс. чел.), но и является одним из трех в Воронежской области, где численность населения выросла даже в последний год. И никаких чудес в этом нет. Сразу же после революции была ликвидирована главная причина «вымирания» – безземелье: крестьяне получили 2860 га конфискованной более плодородной помещичьей земли, а сегодня территория поселения превышает 8,5 тыс. га. В советское

¹⁵ Еще одна иллюстрация: «Жилые строения тесно прижимались друг к другу. Большая часть усадеб не превышала 6–7 сажень... половину этого пространства занимала изба, а остальное – тесный двор. Зимой в избе помимо людей находились куры и даже коровы, овцы, поросята, которые отправляли естественные надобности тут же. Кровати имелись только у двух хозяев. Стекла в окнах редкость... Отхожие места имелись только в восьми дворах. Клещи встречались в зажиточных семьях, где имелись подушки, одеяла. Тараканы, вши и блохи имелись во всех без исключения избах... Примерно треть взрослого мужского населения едва знает грамоту, а среди женщин – в десять раз меньше. Среди мальчиков посещают школу около половины, а девочек, по мнению крестьян, отдавать “в науку” вообще незачем. Основная причина – необходимость отдавать детей в наем, недостаток одежды и обуви, невозможность купить хоть какие-то учебные пособия. Плохое питание, низкий санитарный уровень – естественные причины высокой заболеваемости жителей и особенно детей. Корь, скарлатина, дизентерия, тиф, туберкулез, сифилис – вот “стандартный набор” наиболее распространенных заболеваний» [48, с. 151–152].

время село не было обделено ни агротехникой, ни образованием, ни медициной, причем сельхозпроизводство обеспечивало высокую прибыль. Сегодня в селе действуют благоустроенные детский сад, больница, школа, отделение связи, филиал Сбербанка и даже собственная АТС. Жители заняты сельским хозяйством, оптовой и розничной торговлей, обслуживают многочисленные объекты социальной инфраструктуры, работают в 10 успешных ООО и ЗАО, расположенных на территории поселения. Есть условия и для работы «на стороне»: село расположено рядом с автодорогой Москва – Воронеж в 27 км от областного центра и в 17 км – от районного¹⁶. Но не забудем, что это черноземная Воронежская область и что там есть хорошая работа.

Сельская Россия, сформированная веками и последними десятилетиями, *обречена на перемены* – и количественные, и качественные. Сельский уклад жизни и облик сельских поселений, порожденные огромным внутренним рынком далекого прошлого, крупным коллективным (общинным, колхозным, совхозным) сельским хозяйством, навыками жизни и привычностью к инфраструктурно не обустроенной среде, малыми потребностями и уравнительной бедностью населения, подталкиваются к коренной трансформации явлениями последовательного разрушения прежнего хозяйственного, бытового и социально-мотивационного фундамента. Коренные изменения в жизни российского села еще только начинаются, и все они будут связаны со становлением новой товарно-рыночной среды в российском сельскохозяйственном секторе и с началом серьезного социального расслоения в селе, с реально прогнозируемыми изменениями в системе сельского расселения.

За последние 20 лет создания практически всех предпосылок для рыночного капитализма сельская Россия продемонстрировала весь мыслимый и немыслимый потенциал выживания. Сельские жители были наиболее подготовлены к любым тяготам жизни, они в отличие

¹⁶ Поразительный контраст с некогда описанным А.И. Шингаревым жилищем (объявление 2020 г.): «Продаю часть дома в д. Моховатка на участке 15 соток. В доме газ, свет, вода без перебоев даже в летний период (во дворе есть новая скважина с насосом), санузел, ванна, отопление и горячая вода через котел Аристон, стоят счетчики на все. Wi Fi».

от многих горожан имели к тому же не только навыки выживания в любой ситуации, но и собственное производство самого необходимого. Этот потенциал отнюдь не исчерпан, но он бесполезен (а в мотивационном отношении и вреден) для фазы коренных преобразований сельскохозяйственной и иной экономической базы сельских поселений. Теперь требуется иная энергия, которая не может быть ни аккумулярована, ни проявлена в прежнем хозяйственно-бытовом облике и в прежней расселенческой форме сельской России. Перемены неизбежны, но пока что сельская Россия к ним не готова ни в материальном, ни в социальном отношении.

Территорией тотальной депопуляции в постперестроечной России с десятками «вымирающих» или уже «вымерших» поселений и одновременно местом приложения труда сотен тысяч вахтовиков стала Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ), протянувшаяся от северной Карелии до Чукотки. Это еще один удивительный пример парадоксального и в то же время логичного явления, суть которого концептуально изложена в начале статьи. Для мировой Арктики вообще характерна неустойчивость численности постоянного населения, что связано прежде всего с естественным исчерпанием конкретных природных ресурсов или уменьшением потребности в конкретных инфраструктурных объектах (в том числе оборонного характера), требующих присутствия именно такого населения. С другой стороны, и рост численности такого населения часто зависит от недолговременных экономических, внешнеполитических и иных ситуаций. Так, уменьшение в начале XX в. численности населения в арктической зоне Северной Америки на 40% вызвал спад клондайкской «золотой лихорадки». Установлено [37], что доля Арктики в мировом населении достигала пика в 1950-е годы, после чего сократилась почти вдвое, численность населения мировой Арктики выросла с 1,3 млн чел. в 1900 г. до 6,1 млн в 1989 г., а затем к 2019 г. снизилась до 5,4 млн чел. Комплекс политических, экономических и социальных причин, связанных с фундаментальными переменами в постсоветской России, привел к убыли постоянного населения Российской Арктики за тридцатилетие этих перемен (1989–2019 гг.) на 1046 тыс. чел., или почти на 30% [22].

Чаще всего, характеризуя депопуляцию в АЗРФ, упоминают ситуацию на Чукотке, где в первое двадцатилетие после переписи 1989 г. общая численность населения сократилась втрое (при росте численности коренных малочисленных народов на 5%) и затем стабилизировалась до настоящего времени на уровне около 50 тыс. чел. В одном из исследований¹⁷ эта ситуация была показана на примере стремительно потерявших часть населения городских поселений Певек и Диксон (бывшей «столицы Арктики»), а также ныне фактически не существующих чукотских поселков Иультин, Бараниха, Апапельгино (здесь оказался ненужным в условиях рынка градообразующий аэропорт), Валькумей, Гудым (бывшая военная база) и Полярный. Но это проблема не только Чукотки.

Характерный пример возникновения, роста и в наши дни угасания поселения в западной части Российской Арктики – пос. Амдерма¹⁸, поразивший при первом (в начале 1980-х годов) знакомстве многолюдностью и кипучей жизнью. Возникшая в начале 1930-х годов около центра добычи ценнейшего флюорита, ставшая поселком городского типа, а затем и районным центром огромной территории, Амдерма и после сокращения добычи флюорита (1950-е годы) не потеряла значения «ворот Арктики»: там был сооружен многопрофильный аэродром с современной взлетно-посадочной полосой, были построены капитальные многоэтажные дома для военных и работников социальной сферы, морского торгового порта, геолого-разведочной экспедиции, мерзлотной станции, гидрометцентра. Аэровокзал принимал регулярные рейсы из Москвы и был местом пересадки на рейсы в Диксон и Тикси. Численность постоянного населения в тот период достигала 7–8 тыс. чел., по переписи 1989 г. в поселке проживало 5,1 тыс. чел. В настоящее время население Амдермы составляет 530 чел., т.е. сократилось почти в 10 (!) раз. Причины тоже типичны:

¹⁷ См.: Лексин В.Н. Социально-экономические проблемы Арктики: между прошлым и будущим // Российский экономический журнал. – 2018. – № 5. – С. 3–25.

¹⁸ Поселок Амдерма расположен на Югорском полуострове Карского моря к востоку от пролива Югорский Шар. Расстояние до окружного центра (Нарьян-Мар) составляет 420 км, до железнодорожной станции (Воркута) – 270 км.

в начале 1990-х годов военные перебазируются в Котлас (с тех пор многоэтажки пустуют), затем последовательно закрылись мерзлотная станция, нефтегазоразведочная экспедиция, стройуправление и даже местный гидрометцентр. Некоторые надежды на возвращение населения в этот некогда благоустроенный поселок возлагаются лишь на реконструкцию аэропорта пос. Амдерма, предусмотренную в Указе Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

Вопросы обезлюдения наших арктических территорий часто обсуждаются в контексте общероссийской проблемы непрекращающейся депопуляции страны, но в Российской Арктике в связи и с уникальностью ее освоения «по-советски», и с особенностями современного этапа переосвоения «советского наследия», с появлением новейших объектов экономики, транспортной инфраструктуры и объектов оборонного назначения они требуют системного осмысления, адекватного арктическим реалиям. Отечественные исследователи делают в этом отношении немало, изучая общие параметры демографических и миграционных процессов в Арктике [15], факторы арктической миграции [47], ее интенсивность, направления и результаты [21; 40], арктические рынки труда [32], их типологию по видам деятельности [41] и даже теоретические и практические аспекты создания самодостаточных арктических поселений [7]. Только за последние пять лет стали известны десятки публикаций о проблемах *постоянного* арктического населения, и одно это более настойчиво заставляет ответить на главный вопрос о той его численности, которая будет *адекватна реальным потребностям* в работниках во всех сферах занятости (от буровиков до научных сотрудников и чумработниц¹⁹). От научно обоснованного ответа на этот вопрос зависит правильность

¹⁹ Тем, кто давно не был в Российской Арктике, напомню, что эта, без преувеличения, одна из самых ответственных и трудоемких профессий (обустройство и содержание временных жилищ кочующих оленеводов, забота о детях и муже-оленеводе) в 2018 г. внесена в официальный реестр профессий России со статусом оленевода 3-го разряда, заработной платой около 15 тыс. руб. и предоставлением стандартного социального пакета.

всех принимаемых стратегий и программ развития Арктики и каждого ее населенного пункта. Пока же на этот вопрос здравомысленно отвечают лишь создатели вахтовых поселков: сколько потребуется работников, такова и будет численность населения поселка.

Было бы наивным полагать, что резкое сокращение численности населения в отдельных городах и поселках и даже прекращение их деятельности («города-призраки» и «заброшенные деревни») по причинам экономической не востребованности или изменения роли в сложившейся системе расселения – явление, свойственное только бывшим советским городам и поселкам. Будем реалистами: существование вполне благоустроенных населенных пунктов во всем мире рано или поздно прекращается, если они создавались исключительно для обслуживания предприятий, эксплуатирующих невозполняемые природные ресурсы. Еще во время моей советской институтской молодости учили: закрылся рудник – закрылся поселок. Впрочем, это в меньшей степени относилось и к поселкам лесозаготовителей. Социально-экономическая ситуация во многих небольших арктических населенных пунктах, созданных в советское время для обеспечения общегосударственных нужд и утративших значительную часть своего потенциала и своего населения с началом либерально-рыночных реформ, может показаться похожей на ту, с которой столкнулись сотни так называемых моногородов Центральной России, Сибири и Дальнего Востока. Но в действительности это принципиально различные явления. Часть населения таких моногородов все же может изменить профиль деятельности (на новых предприятиях, в сервисной экономике и т.п.) или использовать механизмы маятниковой миграции для работы в близлежащих многопрофильных городах. Арктические же поселения типа вышеописанных потеряли не градообразующую, а смыслообразующую основу своего функционирования. Это формирует особую социально-экономическую ситуацию со своими собственными только ей проблемами всего населения и каждого человека в отдельности.

* * *

В статье представлена попытка осмысления феномена территориально опосредованной депопуляции как системного результата общего демографического кризиса, точечного и неравномерного распределения экономической деятельности, резкого дисбаланса мест приложения труда и проживания трудоспособного населения, расширения возможностей пространственной мобильности, несоответствия унаследованной системы расселения и ее экономических оснований. При этом парадоксальным образом хозяйственная жизнь страны сегодня зависит не от результатов депопуляции, а лишь в какой-то степени от профессиональных качеств трудовых ресурсов. В большинстве же населенных пунктов не «работать некому», а «работы нет», и при возникновении или сохранении возможностей трудоустройства там, где есть относительно неплохо оплачиваемые рабочие места, это немедленно становится стимулом перетока необходимой рабочей силы. Исследование и регулирование территориально опосредованной депопуляции требуют объективной информации об этих процессах на уровне городских и сельских поселений любой людности, и это определяет необходимость принципиального изменения практики статистических работ в регионах и муниципальных образованиях.

Список источников

1. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. – М.: Наука, 1988. – 704 с.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
3. Антонов Е.В. Рынки труда городских агломераций в России // Региональные исследования. – 2020. – № 2. – С. 88–100.
4. Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 г. // Вестник МГУ. Сер. географическая. – 2016. – № 2. – С. 54–63.
5. Артемов В.А., Новохацкая О.В. Сельская повседневность в 1970–2000 годы: данные к анализу // Экономическое развитие России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. – С. 205–233.

6. *Бесков С.К., Глезер О.Б., Гунько М.С., Медведев А.А., Савиных В.П.* Методика анализа пространственно-временной динамики обитаемости территорий на примере Центральной России // *Известия высших учебных заведений. Сер.: Геодезия и аэрофотосъемка.* – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 96–105.

7. *Бурый О.В., Дмитриева Т.Е.* Теоретические и практические вопросы создания самодостаточных арктических поселений // *Известия Коми научного центра УрО РАН.* – 2015. – № 3. – С. 141–148.

8. *Виноградский В.Г.* Орудия слабых: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. – Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2009. – 292 с.

9. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.* Крестьянские жизненные практики. 1991–2012. – Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2013. – 167 с.

10. *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005. – 367 с.

11. *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 2: Экономическая демография. Анализ демографических процессов. – М.: Наука, 2005. – 383 с.

12. *Вишневский А.Г.* Россия: демографические итоги двух десятилетий // *Мир России: социология, этнология.* – 2012. – № 3. – С. 3–40.

13. *Вишневский А.Г., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л., Щербакова Е.М.* Российское село в демографическом измерении // *Мир России.* – 2007. – № 1. – С. 17–58.

14. *Вишневский А.Г., Щербакова Е.М.* Демографические тормоза экономики // *Вопросы экономики.* – 2018. – № 6. – С. 48–70.

15. *Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг.* / Отв. ред. В.В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 158 с.

16. *Демографическое развитие России в XXI веке / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского.* – М.: Мин-во здравоохранения и социального развития РФ; ИСПИ РАН, 2009. – 339 с.

17. *Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И.* Российское село в рыночных условиях. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2008. – 199 с.

18. *Казьмин М.А.* Земельные реформы в России XIX–XX вв.: Уроки пройденного пути. – М.: URSS, 2015. – 240 с.

19. *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – 338 с.

20. *Кознова И.Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М.: ИФ РАН, 2000. – 207 с.

21. *Коровкин А.Г., Сеница А.Л.* Оценка интенсивности и направлений движения населения в регионах российской Арктики в 1991–2015 годах // *Научные*

труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2019. – Т. 17. – С. 323–340.

22. *Лыткина Т.С., Смирнов А.В.* Российский Север в условиях глобальной неолиберальной политики: преодоление пространственного неравенства или вытеснение? // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 3. – С. 27–47.

23. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л.* Сезонная пульсация населения Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 117–125.

24. *Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н.* Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. – 2016. – № 3 (53). – С. 71–82.

25. *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et Contra. – 2012. – № 6 (57). – С. 20–33.

26. *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 1 (37). – С. 186–193.

27. *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Казенин К.И.* Внутренняя миграция как ресурс развития России: Социально-экономические эффекты, издержки и ограничения. (Доклад для Гайдаровского форума – 2020). – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 76 с.

28. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 456 с.

29. *Нефедова Т.Г.* Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Сер. географическая. – 2015. – № 3. – С. 41–56.

30. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – 408 с.

31. *Нефедова Т.Г., Глезер О.Б.* Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – С. 214–251.

32. *Ржаницына Л., Кравченко Е.* Современный рынок труда в Арктической зоне Российской Федерации // Федерализм. – 2020. – Т. 25, № 3 (99). – С. 39–51.

33. *Рыбаковский Л.Л.* Демографические вызовы: что ожидает Россию? // СОЦИС. – 2012. – № 8. – С. 49–60.

34. *Самаруха В.И., Краснова Т.Г., Плотникова Т.Н.* Миграционное движение населения регионов Сибири // Известия Байкальского госуниверситета. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 56–62.

35. *Селезнёв И.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р.* Социологический анализ проблем пространственного развития (на примере регионов Западной и Восточной Сибири) // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2020. – № 6. – С. 5–23.

36. *Селиверстов В.Е.* Сибирь в стратегии пространственного развития России // Вопросы новой экономики. – 2017. – № 3 (43). – С. 27–37.
37. *Смирнов А.В.* Население мировой Арктики: динамика, численность и центры расселения // Арктика и Север. – 2020. – № 40. – С. 270–290.
38. *Стронгина М.Л.* Проблемы совершенствования сельского расселения // Региональные проблемы расселения. – М.: СОПС, 1984. – С. 103–105.
39. *Фадеева О.П.* Социальный капитал сибирского села // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 511–533.
40. *Фаузер В.В., Смирнов А.В.* Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. – 2020. – № 4 (40). – С. 4–18.
41. *Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Локальные рынки труда российской Арктики: классификация по видам деятельности // Арктика: экология и экономика. – 2019. – № 2 (34). – С. 4–17.
42. *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.* Миграция и рынок труда. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. – 108 с.
43. *Фомин М.В.* Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. – 2019. – Т. 22, № 3. – С. 15–29.
44. *Фомин М.В., Безвербный В.А.* Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – № 6. – С. 33–53.
45. *Шворина К.В., Фалейчик Л.М.* Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 2. – С. 485–501.
46. *Шевцова Е.В.* Тенденции миграции населения и миграционной политики в Новосибирской области // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 20. – С. 91–101.
47. *Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиреникова Е.В., Уханова А.В.* Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 396–418.
48. *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. – 2-е изд. – СПб.: Общественная польза, 1907. – 223 с.
49. *Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А.* Анализ и прогнозирование маятниковой трудовой миграции в Подмоскowie (на примере г. Дубны) // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 112–122.

Информация об авторе

Лексин Владимир Николаевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (117312, Москва, просп. 60-летия Октября, 9). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20210205

Region: Economics & Sociology, 2021, No. 2 (110), p. 101–134

V.N. Leksin

SYSTEMIC CAUSES AND CONSEQUENCES OF SPATIALLY MEDIATED DEPOPULATION

The processes of depopulation of the country, almost all its regions, and localities are similar to those observed in almost all developed countries. They are further intensified during the thirty-year transformation of public relations in Russia itself. This article presents general and specific reasons for the depopulation of mental, social, economic, and political nature in the works of Russian geographers and demographers, sociologists and economists, ethnographers and political scientists. Summarizing and supplementing their results, we propose a verbal model of spatially mediated depopulation processes. It characterizes their logic and the dominance of economic factors regarding their progress in modern Russia. We critically evaluate the statistical accounting methods for geographically mediated depopulation and an ambiguous role of interregional and intraregional migration in the “desertification” of territories.

Keywords: spatially mediated depopulation; interregional migration; intraregional migration; “desertification” of territories

For citation: *Leksin, V.N.* (2021). Sistemnye osnovaniya i posledstviya territorialno oposredovannoy depolyatsii [Systemic causes and consequences of spatially mediated depopulation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (110), 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205.

References

1. *Aksakov, I.S.* (1988). *Pisma k rodnym. 1844–1849* [Letters to Relatives. 1844–1849]. Moscow, Nauka (Literaturnye pamyatniki) Publ., 704.
2. *Alaev, E.B.* (1983). *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya. Ponyatiyno-terminologicheskii slovar* [Social and Economic Geography. Conceptual and Terminological Dictionary]. Moscow, Mysl Publ., 350.
3. *Antonov, E.V.* (2020). *Rynki truda gorodskikh aglomeratsiy v Rossii* [Labor markets of urban agglomerations in Russia]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 2, 88–100.
4. *Antonov, E.V.* (2016). *Trudovaya mobilnost naseleniya Rossii po dannym Vserossiyskoy perepisi 2010 g.* [Labor mobility of the population in Russia (according to the 2010 all-Russian census data)] *Vestn. MGU. Ser. Geograficheskaya* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography], 2, 54–63.
5. *Artemov, V.A. & O.V. Novokhatskaya.* (2006). *Selskaya povsednevnost v 1970–2000 gody: dannye k analizu* [Rural everyday life in 1970–2000: data for analysis]. In: *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering RAS Publ., 205–233.
6. *Beskov, S.K., O.B. Glezer, M.S. Gunko, A.A. Medvedev & V.P. Savinykh.* (2018). *Metodika analiza prostranstvenno-vremennoy dinamiki obitaemosti territoriy na primere Tsentralnoy Rossii* [Methodology of analysis of spatial-temporal dynamics of the territories habitability: a case study of Central Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser.: Geodeziya i aerofotosyemka* [Series: Geodesy and Aerophotography], Vol. 62, No. 1, 96–105.
7. *Buriy, O.V. & T.E. Dmitrieva.* (2015). *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy sozdaniya samodostatochnykh arkticheskikh poseleniy* [The theoretical and practical problems of creating self-sufficient Arctic settlements]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 3, 141–148.
8. *Vinogradskiy, V.G.* (2009). *Orudiya slabykh: tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo sushchestvovaniya* [Weapons of the Weak: Technology and Social Logic of Everyday Peasant Existence]. Saratov, Saratov Institute of the Russian State University of Trade and Economics Publ., 292.
9. *Vinogradskiy, V.G., O.Ya. Vinogradskaya, A.M. Nikulin & O.P. Fadeeva.* (2013). *Krestyanskie zhiznennye praktiki. 1991–2012* [Peasant Life Practices. 1991–2012]. Saratov, Saratov Institute of the Russian State University of Trade and Economics Publ., 167.
10. *Vishnevskiy, A.G.* (2005). *Izbrannye demograficheskie trudy: v 2 t.* [Selected Demographic Works: in 2 volumes]. T. 1: *Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya* [Vol. 1: Demographic Theory and Demographic History]. Moscow, Nauka Publ., 367.
11. *Vishnevskiy, A.G.* (2005). *Izbrannye demograficheskie trudy: v 2 t.* [Selected Demographic Works: in 2 volumes]. T. 2: *Ekonomicheskaya demografiya. Analiz demo-*

graficheskikh protsessov [Vol. 2: Economic Demography. The Analysis of Demography Processes]. Moscow, Nauka Publ., 383.

12. *Vishnevskiy, A.G.* (2012). Rossiya: demograficheskie itogi dvukh desyatiletiy [Russia: demographic results of the two post-Soviet decades]. Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 3, 3–40.

13. *Vishnevskiy, A.G., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova & E.M. Shcherbakova.* (2007). Rossiyskoe selo v demograficheskom izmerenii [Rural Russia in a demographical study]. Mir Rossii [Universe of Russia], 1, 17–58.

14. *Vishnevskiy, A.G. & E.M. Shcherbakova.* (2018). Demograficheskie tormoza ekonomiki [Demographic brakes on the economy]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 6, 48–70.

15. *Fauzer, V.V.* (Ed.). (2016). Demograficheskie i migratsionnye protsessy na Rossiyskom Severe: 1980–2000 gg. [The demographic and migration processes in the Russian North: 1980–2000]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 158.

16. *Osipov, G.V. & L.L. Rybakovsky.* (Eds.). (2009). Demograficheskoe razvitiye Rossii v XXI veke [The Demographic Development of Russia in the XXI Century]. Moscow, Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation Publ., Institute of Socio-Political Research RAS Publ., 339.

17. *Ziyatdinova, F.G. & E.I. Kuchaeva.* (2008). Rossiyskoe selo v rynochnykh usloviyakh [Russian Rural Areas under Market Conditions]. Moscow, Unity-Dana: Zakon i parvo Publ., 199.

18. *Kazmin, M.A.* (2015). Zemelnye reformy v Rossii XIX–XX vv.: Uroki proydenogo puti [Land Reform in Russia (XIX–XX Centuries.): Lessons Passed Way]. Moscow, URSS Publ., 240.

19. *Kalugina, Z.I. & O.P. Fadeeva.* (2009). Rossiyskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki [Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS Publ., 338.

20. *Koznova, I.E.* (2000). XX vek v sotsialnoy pamyati rossiyskogo krestyanstva [XX Century in the Social Memory of Russian Peasantry]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 207.

21. *Korovkin, A.G. & A.L. Sinitsa.* (2019). Otsenka intensivnosti i napravleniy dvizheniya naseleniya v regionakh rossiyskoy Arktiki v 1991–2015 godakh [Assessment of the Intensity and Directions of Population Movement in the Regions of the Russian Arctic in 1991–2015]. Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting RAS], 17, 323–340.

22. *Lytkina, T.S. & A.V. Smirnov.* (2019). Rossiyskiy Sever v usloviyakh globalnoy neoliberalnoy politiki: preodolenie prostranstvennogo neravenstva ili vytesnenie? [The Russian North in the context of global neoliberal politics: Overcoming spatial inequality or expulsion]. Mir Rossii [Universe of Russia], Vol. 28, No. 3, 27–47.

23. *Makhrova, A.G. & P.L. Kirillov.* (2015). Sezonnaya pulsatsiya naseleniya Moskovskoy aglomeratsii pod vliyaniem dachnoy i trudovoy mayatnikovoy migratsii: podkhody k izucheniyu i otsenka [Seasonal fluctuations in population distribution within Moscow metropolitan area under travelling to second homes and labour commuting: approaches and estimations]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 1 (47), 117–125.
24. *Makhrova, A.G., P.L. Kirillov & A.N. Bochkarev.* (2016). Mayatnikovye trudovye migratsii naseleniya v Moskovskoy aglomeratsii: opyt otsenok potokov s ispolzovaniem dannykh sotovykh operatorov [Labour commuting in moscow metropolitan area: evaluation of flows using data from mobile network operators]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Research], 3 (53), 71–82.
25. *Makhrova, A.G., T.G. Nefedova & A.I. Treivish.* (2012). Moskovskaya aglomeratsiya i Novaya Moskva [Moscow Agglomeration and the “New Moscow”]. *Pro et Contra*, 6 (57), 19–32.
26. *Mkrtychyan, N.V. & Yu.F. Florinskaya.* (2018). Trudovaya migratsiya v Rossii: mezhdunarodnyy i vnutrenniy aspekty [Labor migration in Russia: International and internal aspects]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 1 (37), 186–193.
27. *Mkrtychyan, N.V., Yu.F. Florinskaya & K.I. Kazenin.* (2020). Vnutrennyaya migratsiya kak resurs razvitiya Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie efekty, izderzhki i ogranicheniya. (Doklad dlya Gaydarovskogo foruma – 2020) [Internal Migration as a Resource for the Development of Russia: Socio-economic Effects, Costs and Limitations. (Article for Gaidar Forum 2020)]. Moscow, RANEPa Delo Publ., 76.
28. *Nefedova, T.G.* (2013). Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otvety geografa [Ten Topical Questions About Rural Areas: Geographer’s Answers]. Moscow, LENAND Publ., 456.
29. *Nefedova, T.G.* (2015). Migratsionnaya podvizhnost naseleniya i otkhodnichestvo v sovremennoy Rossii [Migration mobility of population and otkhodnichestvo in modern Russia]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Herald of the Russian Academy of Sciences. Series: Geography], 3, 41–56.
30. *Nefedova, T.G.* (2003). Selskaya Rossiya na pereputye: Geograficheskie ocherki [Rural Russia at a Crossroads. Geographical Essays]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 408.
31. *Nefedova, T.G. & O.B. Glezer.* (2020). Transformatsiya sotsialno-geograficheskogo prostranstva Rossii [Transformation of the social and geographical space in Russia]. In: *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke* [The Challenges and Policies of Spatial Development in Russia in the 21st Century]. Moscow, KMK Publ. Partnership, 214–251.
32. *Rzhanitsyna, L. & E. Kravchenko.* (2020). Sovremennyy rynek truda v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Modern labor market in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Federalizm* [Federalism], Vol. 25, No. 3 (99), 39–51.

33. *Rybakovsky, L.L.* (2012). Demograficheskie vyzovy: chto ozhidaet Rossiyu? [Demographic challenges: What does await Russia?]. SOTSIS [Sociological Studies], 8, 49–60.

34. *Samarukha, V.I., T.G. Krasnova & T.N. Plotnikova.* (2018). Migratsionnoe dvizhenie naseleniya regionov Sibiri [Migration movement of the population of Siberian regions]. Izvestiya Baykalskogo gosuniversiteta [Bulletin of Baikal State University], Vol. 28, No. 1, 56–62.

35. *Seleznev, I.A., N.Yu. Mikryukov & T.R. Miriazov.* (2020). Sotsiologicheskii analiz problem prostranstvennogo razvitiya (na primere regionov Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri) [The sociological analysis of the spatial development problems (on example of Western and Eastern Siberia regions)]. Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki [Scientific Review. Series 2. Human Sciences], 6, 5–23.

36. *Seliverstov, V.E.* (2017). Sibir v strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Siberia in the regional strategy of Russia's development]. Voprosy novoy ekonomiki [Issues of New Economy], 3 (43), 27–37.

37. *Smirnov, A.V.* (2020). Naselenie mirovoy Arktiki: dinamika, chislennost i tsentry rasseleniya [The Arctic population: dynamics and centers of the settlement system]. Arktika i Sever [Arctic and North], 40, 270–290.

38. *Strongina, M.L.* (1984). Problemy sovershenstvovaniya selskogo rasseleniya [Problems of improving rural settlement]. In: Regionalnye problemy rasseleniya [Regional Settlement Problems]. Moscow, Council for the Study of Productive Forces Publ., 103–105.

39. *Fadeeva, O.P.* (2008). Sotsialnyy kapital sibirskogo sela [Social capital of Siberian village]. In: T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina, O.E. Bessonova (Eds.). Rossiya i rossiyanе v novom stoletii: vyzovy vremeni i gorizonty razvitiya: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly [Russia and Russians in the New Century: Challenges of Time and Horizons of Development]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 511–533.

40. *Fauzer, V.V. & A.V. Smirnov.* (2020). Migratsii naseleniya rossiyskoy Arktiki: modeli, marshruty, rezultaty [Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results]. Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economics], 4 (40), 4–18.

41. *Fauzer, V.V., A.V. Smirnov, T.S. Lytkina & G.N. Fauzer.* (2019). Lokalnye rynki truda rossiyskoy Arktiki: klassifikatsiya po vidam deyatelnosti [Local labor markets of the Russian Arctic: classification by activity type]. Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economics], 2 (34), 4–17.

42. *Florinskaya, Yu.F., N.V. Mkrtychyan, T.M. Maleva & M.K. Kirillova.* (2015). Migratsiya i rynek truda [Migration and the Labor Market]. Moscow, RANEPА Delo Publ., 108.

43. *Fomin, M.V.* (2019). Demograficheskie prognozy i korrektnost statistiki prostranstvennogo razvitiya Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii [Demographic projections and accuracy of the spatial development statistics of Siberia and Far East of Russia]. Narodonaselenie [Population], Vol. 22, No. 3, 15–29.

44. *Fomin, M.V. & V.A. Bezverbnyy.* (2018). Prostranstvennyy karkas Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii v usloviyakh demograficheskogo szhatiya: «vtorye» i «tretiyi» goroda [The spatial framework of Siberia and Far East of Russia in condition of demographic shrinking: “second” and “third” cities]. Nauchnoe obozrenie. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [Scientific Review. Series 2. Human Sciences], 6, 33–53.

45. *Shvorina, K.V. & L.M. Faleychik.* (2018). Osnovnye trendy migratsionnoy mobilnosti naseleniya regionov Sibirskogo i Dalnevostochnogo federalnykh okrugov [Main directions of migration mobility in the Siberian and Far Eastern federal districts]. Ekonomika regiona [Economy of Region], Vol. 14, No. 2, 485–501.

46. *Shevtsova, E.V.* (2017). Tendentsii migratsii naseleniya i migratsionnoy politiki v Novosibirskoy oblasti [Migration tendencies and policy in the Novosibirsk Region]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies], Vol. 20, 91–101.

47. *Shelomentsev, A.G., L.V. Voronina, E.V. Smirennikova & A.V. Ukhanova.* (2018). Faktory migratsii v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Migration factors in the Arctic Zone of the Russian Federation]. Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) [Ars Administrandi], Vol. 10, No. 3, 396–418.

48. *Shingarev, A.I.* (1907). Vymirayushchaya derevnya. Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvukh seleniy Voronezhskogo uезда (2-oe izdanie) [An Endangered Village: The Experience of Sanitary and Economic Research of Two Villages in the Voronezh District. 2nd ed.]. St. Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 223.

49. *Shitova, Yu.Yu. & Yu.A. Shitov.* (2008). Analiz i prognozirovaniye mayatnikovoy trudovoy migratsii v Podmoskove (na primere g. Dubny) [Analysis and forecast of labor commuting in the Moscow Region, the case of Dubna]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 4, 112–122.

Information about the author

Leksin, Vladimir Nikolaevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Resarcher at Federal Research Center “Computer Science and Control”, Russian Academy of Sciences (9, 60-letiya Oktyabrya av., Moscow, 117312, Russia). E-mail: leksinvn@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 05.04.2021.

После доработки 08.04.2021.

Принята к публикации 09.04.2021.

© Лексин В.Н., 2021